

На правах рукописи

БАГИРОВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

ЭВОЛЮЦИЯ АНТРОПНИМИКОНА В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ РЕДАКЦИЙ
РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Специальность 10.02.01. – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень 2004

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Тюменского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор, академик АГН, РАЕН, АРЭ,
заслуженный деятель науки РФ
Фролов Николай Константинович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Усминский Ольгердт Исаевич
кандидат филологических наук,
доцент
Хвесько Тамара Владимировна

Ведущая организация: Курганский государственный университет

Защита состоится 17 ноября 2004г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К 212. 274. 02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « 12 » октября 2004 г.

Ученый секретарь
доктор филологических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Роман «Мастер и Маргарита», признанный одним из наиболее значимых произведений М. А. Булгакова, представляет собой оригинальное явление в русской литературе XX в. Его антропонимы, вобравшие в себя веяния разных эпох, поражают особой поэтичностью. Они приобретают обобщенно-символическую окраску, занимая ведущую позицию в вербальном воплощении художественной концепции произведения, в решении индивидуально-эстетических задач. Имена персонажей участвуют в раскрытии главных тем романа, выступают в качестве ключевых слов в сложной композиции текста. В этой связи актуальна постановка вопроса о художественном стиле автора и своеобразии его антропонимической системы.

Имена собственные, как известно, исследуются лингвистами и литературоведами в разных аспектах. В работах ономастов изучается ряд специфических проблем, обусловленных своеобразием антропонимии в языке и речи. В частности, стилистические функции антропонимов в художественной литературе исследовали Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, Н. К. Фролов, соотношение ономастикона поэтического и реального, системность поэтической ономастики и её роли в художественном тексте - С. И. Зинин, В. Н. Михайлов, Г. А. Силаева, О. И. Фоякова, поэтику имен собственных - Л. И. Андреева, В. М. Калинин, Э. Б. Магазаник, В. А. Кухаренко, Л. М. Щетинин, процессы номинации - М. В. Голомидова, В. М. Калинин, М. Э. Рут, А. В. Суперанская, Н.К.Фролов и др. Сегодня отсутствует целостное системное описание антропонимической системы романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и всех черновых вариантов этого произведения. Антропонимия итогового текста подверглась лишь фрагментарному анализу. Среди немногочисленных лингвистических трудов, посвященных антропонимии М. А. Булгакова, следует выделить работы Г. Ф. Ковалева, А. В. Белой, Ю. В. Кондаковой и О. Ю. Устьянцевой.

Актуальность диссертационного исследования определяется общими задачами изучения антропонимов, как одной из важных образующих лексических подсистем языка, помогающей целям постижения глубинного смысла художественного текста. Онимическая лексика предоставляет богатейшие возможности для исследования способов индивидуально-авторской организации вымышленного имени, системы контекстных связей, подтверждающих отбор тех или иных назывных единиц.

Исследование художественного антропонимикона, представленного в текстах разных редакций романа «Мастер и Маргарита», позволит проникнуть в авторскую лабораторию и выявить внутренние закономерности организации антропонимического пространства произведения. Описание динамики имен может способствовать систематизации не только лингвистических данных о своеобразии булгаковской антропонимии, но и сведений о культурных, социально значимых событиях, послуживших стимулом для творческого мышления.

Научная новизна работы состоит в том, что всестороннему анализу подвергается система и структура антропонимии, представленной в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», включая ранние редакции текста. Первые наброски романа, как и тексты, завершившие работу над сочинением, позволяют проникнуть в замысел художника, проследить его развитие, понять характер и причину происходивших изменений. Новизна работы заключается в попытке впервые комплексно рассмотреть логико-понятийные процессы, влияющие на формирование назывной единицы.

Целью исследования явилось комплексное изучение антропонимического пространства романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», включая предшествующие основному варианту тексты, анализ мотивации выбора антропонимического материала в его динамике.

В соответствии с поставленной целью предлагается решение следующих задач:

1. Определить принципы наименования персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».
2. Предложить анализ художественной специфики разножанровых антропонимических пластов произведения.
3. Проследить ономаσιологические процессы в языковой и речевой действительности, отражающей индивидуальное имятворчество М. А. Булгакова.
4. Сопоставить варианты назывных конструкций разных редакций романа «Мастер и Маргарита».
5. Выявить приёмы наименования персонажей с учетом динамики их функционирования.

Материалом исследования послужили именованя персонажей, извлеченные из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (222 антропонима) и его черновых редакций (828 антропонимов). Всего в нашем распоряжении оказалось 1050 номинативных единиц. Антропонимический материал был извлечен из следующих источников: Булгаков М. А. Князь Тьмы // Неизвестный Булгаков. М., 1992. С. 17-56; Булгаков М. А. Великий Канцлер // Слово. 1991. № 4-10; Булгаков М. А. Из первой редакции «Мастера и Маргариты»: фрагменты реконструкции // Литературное обозрение. 1991. №. 5. С. 18 - 23; Булгаков М. А. «Черный маг», «Копыто инженера» // Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита». М., 1999. С. 62 – 105; М. О. Чудакова Опыт реконструкции текста М. А. Булгакова // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1977. М., 1977. С. 93-106; Булгаков М. А. Копыто инженера // Памир. 1984. № 7. С. 44-64; Булгаков М. А. Якобы деньги: Из черновых тетрадей романа «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1983. № 10. С. 117-125; Роман М. Б. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Москва. 1991. № 5 С.187-201; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»: ранние фрагменты // Наше наследие. 1991. № 3. С. 14-22; Булгаков М. А. Великий Канцлер // Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита». М., 1999. С.105-161; Булгаков М. А. Великий Канцлер (черновые редакции романа «Мастер и Маргарита»). М., 1992.; Булгаков «Последний полет» // Наше наследие. 1991. № 3. С.76-77; Булгаков М. А.

Великий Канцлер // М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита». М., 1999. С.105-161; Булгаков М. А. «Последний полет» // Слово. 1991. № 9. С. 26-29; Главы из романа «Мастер и Маргарита» (1938-1939гг.) // Неизвестный Булгаков. М., 1992. С. 100-291; Булгаков М. А. Князь Тьмы // М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита». М., 1999. С. 161-187. Естественно, часть именника автор сохранил в разных редакциях, однако оставлял за собой право на те или иные замены.

На разных стадиях исследования применялись традиционные в лингвистике и ономастике способы (наблюдение, лингвистическая интерпретация) и **методы исследования**, в том числе описательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический и стилистический. Их использование продиктовано целью работы и характером интерпретируемого материала. Из общенаучных способов активно использовался прием наблюдения, а также статистический прием, основанный на интерпретации количественных данных материала исследования и заключающийся в простейшем подсчете имен и выделения наиболее употребительных из них.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что введенный в научный оборот фактический материал и теоретические выводы послужат дальнейшей разработке теории литературной номинации, могут способствовать исследованию проблем общей и частной ономастики. Результаты работы найдут применение при чтении вузовских курсов «Лингвистический анализ текста», «Литературная ономастика», в спецкурсах и спецсеминарах по стилистике художественного текста, а также в общефилологических курсах, посвященных творчеству М. А. Булгакова.

Апробация результатов исследования. Основное содержание работы изложено в четырех публикациях, докладах и сообщениях на общероссийской научно-практической конференции «Славянские духовные традиции Западной Сибири» (Тюмень, 1997), межрегиональной научно-практической конференции «Славяно-русское духовное пространство в Сибири» (Тюмень,

2004), а также на научных семинарах кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературные антропонимы, являясь стилистически значимой и информативно нагруженной константой художественного текста, играют существенную роль в его восприятии, усиливают его экспрессивность и эмоциональную выразительность, актуализируют обширный пласт сведений экстралингвистического характера.

2. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» предоставляет богатейшие возможности для исследования способов индивидуально-авторской организации вымышленной антропонимии. Основы творческой лаборатории писателя заложены в ранних черновых набросках романа, комплексный анализ которых дает возможность установить определенные закономерности создания литературного имени, выявить специфику номинативных процессов в его ономастической деятельности.

3. М. А. Булгаков творчески применял приёмы имянаречения персонажей, учитывая традиции русской классической литературы, веяния современного ему новояза, пропуская через призму собственного восприятия антропонимическую действительность своего времени.

4. Выбор антропонимической единицы регулировался этикой, прагматикой, эстетическими правилами художественного творчества, характером описываемого события, отношением автора к выбору имени литературного героя.

Структура и объем диссертации Общий объем диссертационной работы составляет 228 страниц, в том числе 173 страницы основного текста. Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения, библиографического списка научной литературы, списка словарей и источников с их сокращенными обозначениями, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна проведенного исследования, формулируются цель и задачи работы, раскрывается её теоретико-практическая значимость, дается характеристика анализируемого материала и источников, справка по историографии изучения поэтонимов.

В первой главе **“Лингвистические проблемы номинации литературных персонажей”** излагаются теоретические положения, послужившие основой для исследования имен собственных, определяется сущность номинации в языке и речи.

Явление номинации – это сложный феномен речи, при котором происходит вербализация мыслительного процесса, направленного на обозначение окружающей действительности путем выявления отличительных признаков реалий. Номинация в художественном тексте протекает в ментально-знаковой области и состоит из нескольких взаимообусловленных ступеней творчества: от предпосылок именованного персонажа до их реализации в назывном слове. Структуру созданного номинативного знака образуют три составляющих - денотат, форма и значение. Форма и денотат соотносятся между собой не прямо, а через значение: денотат отражается в значении, значение придает знаковость форме. Следовательно, номинативный, в нашем случае антропонимический, знак символизирует связь экстралингвистического (личность именуемого), лингвистического (звука или звуковой последовательности, образующей слово) и логического (наших представлений о данном лице).

Основное отличие номинации в языке от номинации в речи состоит в том, что в речевых актах требуется не два составляющих (денотат - имя), а, как минимум, четыре: номинатор (тот, кто создает наименование), номинант (именуемый объект), номинат (именование) и адресат (тот, для кого создается наименование). Известно, что важнейшим фактором актуализации различных смысловых компонентов слова в речи является наличие именуемого

субъекта, творческое начало которого проявляется в возможности выбора различных признаков объекта при его именовании. Слово выступает как посылка к смысловой интерпретации заданного писателем образа. Являясь результатом авторской рефлексии, оно, несомненно, ориентировано на адресата (воспринимающего текст), присутствие которого следует признать существенным элементом процесса номинации, обуславливающим характер её протекания. Не вызывает сомнения и тот факт, что именуемый учитывает степень возможной осведомленности читателя о качествах называемого лица и стремится представить в номинации наиболее информативные из них, что способствовало бы его адекватному восприятию. Номинатор не может создавать произвольные номинативные единицы, поэтому, определяя их содержание (мотивировочный признак) и форму, он должен стремиться к тому, чтобы они были понятны реципиенту. Таким образом, в художественном тексте номинативный процесс, прежде всего, ориентирован на читателя, поскольку жизнь произведения в большей степени зависит от восприятия читающей личности, от того насколько понятен и доступен смысловой потенциал созданного имени. Следовательно, имя, как элемент текста, проецируясь на сознание воспринимающего субъекта, способно стать катализатором смыслообразующего процесса, результатом которого оказывается понимание произведения, то есть его смысловое воссоздание.

Анализ ономастического материала художественного текста позволяет восстановить этапы работы автора, направленной на наречение отдельных персонажей вымышленного им мира. Задача писателя состоит в том, чтобы назвать этих героев таким именем, посредством которого персонаж в сознании читателя будет связываться с определенным словесным портретом, чертами характера, поступками, мыслями, своеобразной речью. Следовательно, поэтоним может восприниматься как результат номинации, отражающей номинативные принципы писателя, особенности его языкового мышления.

Порождая литературное имя, автор стремится к сохранению в его семантике признаков мотивированности, поскольку они предопределяют восприятие образа персонажа. Мотивационная сторона выбора собственного имени, связанная с номинацией как процессом и номинацией как результатом этого процесса, должна отражать суть имени: для чего антропоним создается, как он создается, каким образом в информации, которую он несет, отражаются причины и цели его порождения.

Мотивированность поэтонима является одним из центральных постулатов в теории номинации. Отсюда анализ мотивированности имени собственного в художественном тексте связан с выделением в структуре онима мотивировочного признака и выявлением на его основе мотива номинации. Под мотивом номинации в ономастике принято понимать отраженную в антропониме экстралингвистическую причину выбора собственного имени для конкретного литературного героя.

Традиционно в антропонимике различают три вида мотивированности – фонетическую, морфологическую, семантическую. Фонетически мотивированные антропонимы обладают экспрессивностью, связанной с их звуковым оформлением. Звуковая огласовка онима с тонкой и бесконечно разнообразной игрой оттенков позволяет полнее, ярче, живее выразить в произведении и, соответственно, вызвать у читателя, определенные впечатления, переживания, размышления.

Благодаря семантической мотивировке в именовании прослеживается связь с семантикой мотивирующей лексемы. В онимах с семантическим типом мотивированности реализуется мотивационный признак, который находит свое отражение в лексическом мотиваторе номинативной единицы и является реальным признаком номинируемого предмета, то есть тем признаком, обнаружение которого служит начальным шагом появления того или иного именованного. Морфологическая мотивированность антропонима проявляется в определенной структурной оформленности имени, что связывает ан-

тропоним с морфемикой языка, с определенными лексико-грамматическими разрядами слов. Морфологическая мотивированность, как правило, дает представление об особенностях создания общего смысла имени собственного на основе его конкретных составляющих – морфем.

В художественном произведении собственное имя, его смысл и форма, ситуации его употребления никогда не бывает случайным, так как имена собственные, вкупе с языком и стилем произведения, занимают особое место в системе художественно-изобразительных средств, служащих для выражения авторского замысла. Появление именованного определяется сюжетно-тематическим содержанием произведения, его ведущими идеями, законами жанра и стилистической системой текста в целом. Поэтому литературный оним, будучи важным элементом художественной структуры, может активно продуцировать содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию произведения. Конденсируя в своей семантике необходимые образные смыслы, поэтоним отображает индивидуально-авторское понимание событий и фактов, описанных в созданном воображаемом мире, передает читателю скрытую информацию, извлекаемую благодаря способности имени порождать ассоциативные и коннотативные значения.

Во второй главе **“Принципы и способы номинации персонажей в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»”** предпринимается попытка комплексного анализа поэтонимов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», характеризуются основные принципы, средства и способы авторской номинации, определяются связи антропонимикона анализируемого произведения с его образной системой.

Характер антропонимического пространства исследуемого произведения детерминирован его жанром, идейно-художественным содержанием, пространственно - временной организацией. В этой связи следует говорить об особенностях имятворческой деятельности автора в разных по сюжетике и жанру главах романа (московских, евангельских, демонических).

Ономастическое пространство «**московского**» мира задано в традициях отечественного именоведения (личное имя, отчество и фамилия). Автором используются все возможные варианты комбинаторики назывных знаков в рамках известной антропонимической формулы. Выбор формы зависит от отношения к именуемому автору или другого персонажа, коммуникативной ситуацией, возрастными и социальными критериями именования. Использование традиционных формул способствует реалистическому, типическому изображению литературных героев.

Фамилии и личные имена в «реальном» повествовании концентрируются с разной степенью частотности: фамилии, в отличие от 15% поименованных личным именем героев, составляют 43%. Подобное соотношение, вероятно, связано с тем, что фамилия в русском ономастиконе является весьма актуальной знаковой репрезентацией человека. Словообразовательные особенности фамилий персонажей соответствуют регулярным моделям именования: 1) простые фамилии, не имеющие в своем составе антропонимических формантов (*Могарыч, Босой, Полумесяц*), 2) фамилии, имеющие в своем составе антропонимические форманты (*Поплавский, Соков, Ласточкин*), 3) фамилии-композиции (*Беломут*). Узусное употребление фамилий является одной из предпосылок реалистичности и художественной достоверности создаваемых писателем образов.

В «московском» антропонимиконе зафиксированы фамилии, образованные вне традиций русского именоведения: *Ариман, Берлиоз, Бездяк, Дунчель, Куфтик, Майгель*. Нестандартные для русского языка назывные модели становятся особенно выразительными в художественном тексте. Эффект экспрессивности обуславливается либо внутренней формой, либо экзотическим звучанием онима. Антропонимикон, построенный на основе разрушения нормы русского именоведения, отклонения от общепринятого и устойчивого, воссоздает абсурдный, «неправильный» мир, что нацелено на остранение художественной действительности.

Многословные антропонимические формулы именования Булгаков использует достаточно редко. Возможно, по причине того, что такие именованья функционально связаны с официальным этикетом, документально-канцелярским стилем и малой употребительностью в живой разговорной речи. Антропонимические модели «имя + отчество», «имя + фамилия» составляют соответственно 20% и 9% , а формула – «имя + отчество + фамилия» - 13% от общего числа именованний, представленных в тексте. Многочленные антропонимы более полно раскрывают образ носителя имени, делают его ярким и осязаемым, информируя реципиента об отношении автора к именуемому лицу.

Антропонимы «московских» страниц романа делятся на имена, характеризующиеся фонетической, морфологической или семантической мотивировкой. Подавляющее большинство поэтонимов, по нашим наблюдениям, мотивировано семантически (62%). Максимальной информационно-экспрессивной и семантической емкостью обладают фамилии. Число сем, участвующих в образовании фамильных знаков, достаточно велико, причем они могут отражать личностные качества именуемого, а могут употребляться и вне связи с ним. В романе преобладают фамильные имена, отражающие в номинации субъективную оценку (39%). Одни онимы этой группы называют какую-то черту характера или характерную примету носителя, другие же – семантически расплывчаты, не исключают различные ассоциации и толкования, не связанные с характеристикой носителя имени: *Жуколов, Желдыбин, Загризов, Поклевкина*. Мотивирующее слово способствует общей эмоциональной оценке имени, которая затем «накладывается» на восприятие образа. Подобные антропонимы не выражают главных идей произведения, но отражают субъективное, как правило, неодобрительное отношение писателя к персонажу.

Второй принцип номинации персонажей (23%) определяется по отличительному признаку именуемого лица (физическая, моральная, социальная,

поведенческая характеристика): *Богохульский, Босой, Бездомный, Лиходеев, Прележнев*. Полагаясь на семантику «говорящего» онима, реципиент получает сведения об оригинальных чертах конкретного персонажа, важных для понимания литературного образа. Основная информация о герое, таким образом, закладывается в сознание читателя с помощью антропонима.

Морфологически мотивированными являются онимы (13%), созданные путем присоединения к основе словоизменительных и словообразовательных морфем (*Варенька, Дашка, Иванушка, Сашка*) и сокращенные формы антропонимов, характерные для фамильярной речи (*Дуся, Миша, Проша*). Использование подобных имен мотивировано стремлением автора запечатлеть нюансы межличностных отношений персонажей, употребляющих ту или иную форму обращения. Деминутивы, являясь маркёрами доброжелательного отношения, создают положительный эмоциональный фон повествования: «Она сказала тихо и весело: «*Кирюшка!* Бросьте трепаться!» (с. 40), «...перед приходом следователя *Иванушка* дремал» (с. 267). Пейоративы приносят оттенок уничижительности или фамильярности в именовании персонажа: «Нашелся, наконец, один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность *Сашка!*» (с. 53), «-*Наташка!* – пронзительно закричала Маргарита. – Ты намазалась кремом?» (с.234).

Фонетически мотивированные антропонимы (25%) обладают экспрессивностью, основанной на звуковых ассоциациях с апеллятивной лексемой. Речь идет о вымышленных именах, не имеющих семантически прозрачной внутренней формы, но связанной с экзотичной звуковой огласовкой имени: *Джулли, Майгель*. Фонетическая мотивированность таких антропонимов обусловлена благозвучной/неблагозвучной экспрессией, вызывающей, судя по контексту, отрицательные ассоциации: *Чердакчи, Штичкин*. Положительные коннотации получают имена, оформленные мягкими согласными и сонорными звуками: *Вольман, Дунчиль*.

Звуковая инструментовка является существенным фактором, создающим эмоциональное содержание, как самого имени, так и произведения в целом.

Звуковые повторы сегментов номинации позволяют запомнить имя, создать акустическую симметрию и ритмичность текста в целом. Широкое использование фоносемантических средств преследуют следующие цели: а) достичь эвфонии; б) создать звуковые образы; в) сформировать общий эмоциональный колорит романа.

При описании «**ершалаимского**» **мира** писатель использует: 1) имена реально существовавших в истории лиц - *Тиберий, Валерий Грат*, 2) антропонимы, заимствованные из разных литературных источников - *Дисмас, Гестас*, 3) создает новые имена - *Иешуа Га-Ноцри, Вар-равван, Левий Матвей*. Последние отражают лингвистическую трансформацию известного образа в образ совершенно новый, но построенный по общей семантической модели с первоисточником. Новые формы и варианты, как и новые значения, вписываются в сознание читателя и становятся привлекательными и «понятными», обеспечивая возможность углубления в понимании смысла произведения. Имена известных исторических личностей и имена, заимствованные из разных литературных источников, связаны с культурным тезаурусом описываемой эпохи и выполняют в произведении хронотопическую функцию.

Имена персонажей «библейских» страниц романа «Мастер и Маргарита» аккумулируют идейно-художественный смысл произведения, понимание которого необходимо для постижения авторского замысла всего текста: роман мастера о Пилате – это не свободное пересказывание Библии, а описание реальных событий, которые когда-то стали основой повествования евангелистов.

Инфернонимы (они́мы **инфернального мира**) являются результатом вторичной номинации – антономазии, суть которой заключается в приложении наименования конкретного референта к другому, окказиональному. Антропонимы, участвующие в процессе переосмысления, принадлежат к литературным (*Бегемот, Воланд*), мифологическим (*Гелла*), религиозным (*Абaddonна*) и реальным историческим (*Вьетан, Малюта Скуратов*) именам. Но-

минативные единицы, будучи закрепленными за культурным тезаурусом определенной эпохи, имеют кодовый характер, поскольку предполагают знание связанного с ними прецедентного текста или исторического контекста.

Характер номинативной деятельности М. А. Булгакова на страницах демонической темы имеет определенные особенности. Автор предпочитает не придумывать имена, а отбирать из уже известных, обновляя лишь их звучание: Абадонна (>Аваддон), Азазелло (>Азазел), Гелла (>Гелло; Геллия). Инфернонимы обладают необычной структурно-фонетической оформленностью и имплицитной внутренней формой, поскольку ориентированы на создание колорита времени и пространства ирреального мира, построенного на основе контекстов мировой культуры. Создавая реальную картину вымышленного мира, автор отбирает антропонимы по принципу странности. Необычный мир маркируется в романе нетрадиционными для реального имениками онимами, сообщающими о сдвигах конкретных пространственно-временных рамок. Поэтому большая часть онимов ирреального мира являются вымышленными именами, не имеющими прозрачной внутренней формы и типовых формантов социальной коннотации.

Назывные единицы ирреального мира могут характеризоваться как фонетически мотивированные, поскольку дают представление о денотате не только через семантику онима (*Абадонна* > аббадон - «бездна, разрушение»; *Фрида* > freedom - «свобода»; *frieden* - «мир»), но и посредством своего звукового комплекса. Фонетическое оформление онима Воланд, позволяющее соотнести его с именованиями дьявола в средневековой литературе (Ваал, Велиал, Вотан, Вельзевул), дает возможность автору «заложить» в текст установку на ассоциативный тип восприятия, который при соответствующей культурной памяти реципиента, обеспечивает возможность углубления в смысл произведения. Другой формой звукописи в ономастиконе ирреального мира являются звуковые повторы, которые, базируясь на использовании раз-

личных комбинаций звуков, являются ярким средством фонетической выразительности: Абадонна, Азазелло, Гелла.

Таким образом, в процессе имянаречения персонажей в романе «Мастер и Маргарита» писатель исходил из идейно-тематического своеобразия художественного произведения, в котором имена являются важной частью его образной системы, слагаемым стиля писателя. Функционирующие в произведении имена сосуществуют не в качестве составных частей, а в качестве, по Б. Гальперину, «смысловых феноменов», открывающих путь к пониманию всего текста.

В третьей главе - **“Традиции именословия в художественном творчестве М. А. Булгакова”** - на основе исследования онимического материала, извлеченного из восьми черновых редакций романа «Мастер и Маргарита», устанавливается история становления и пути формирования антропонимикона окончательной редакции текста, выявляются узуальные и оригинальные приёмы наименования персонажей.

Исследование поэтонимов **«реалистического» повествовательного плана** позволяет судить о специфике авторской номинации. В первых редакциях романа М. А. Булгаков «экспериментирует», отбирая личные имена и фамилии героев, отражающие антропонимический новояз своего времени: *Гини, Избердей, Квинтер-Жабов, Картон, Нутон, Эндузизи*. Благодаря звуковым ассоциациям онимы приобретают в тексте эмоциональную или юмористическую оценку, формируя тем самым общее представление об абсурдной действительности изображаемого мира. Искусственность, нереальность «земного» повествования подчеркивается введением в роман «чужого» слова: *Бержеракина, Бобченко, Беатриче Григорьевна Дант, Гаугоголь*. Литературные имена, чужие цитаты, аллюзии и пародии, будучи введенными в неродной им контекст, вызывают эффект остранения и игровое развертывание сюжета.

В тетрадах, датированных 1928 годом, активны онимы, характеризующие фоносемантическую несовместимость с живой антропонимией: *Клох-*

Пелеенко, Мелузи, Рибби, Чембакчи (66% от общего числа антропонимов). В этот период идет накопление сатирической образности, жизненных наблюдений над социальными типажам, экспериментируется авторский тон. Поэтому на первом этапе формирования художественного антропонимикона важным фактором, определяющим выбор именования, становится ощущение феномена онима. На первый план выступают акустические ассоциации, музыкальность, необычность звуковой инструментовки назывных единиц.

Стремление к индивидуализации персонажа стимулировало выработку новых приемов номинации по двум направлениям. С одной стороны, наблюдается усложнение структуры назывных единиц и появление большого количества двух- и трехкомпонентных названий, с другой стороны, активизируется способ онимизации и к процессу номинации привлекается чрезвычайно разнообразный круг лексики. В рукописях 1932-1933гг. наряду с фонетически мотивированными антропонимами автором активно используются онимы, мотивированные семантически: *Благовест, Безродный, Босой, Лиходеев, Покинутый, Сверчков*. Информационно-стилистический план подобного имени позволял характеризовать носителя номинации, указывая на его коммуникативно-значимый признак. В текстах 1934-1937гг. спектр прозвищных имен сужается, появляется символично-обобщающая знаковость онима.

Особенностью именослова рукописей 1930-1934гг. является значительное уменьшение фамилий, используемых автором при назывании персонажей. Если в редакции 1928 года фамилии составляли 60% от общего числа антропонимов, то в тексте, датированном 1932-1933 годом, – лишь 39%. Многокомпонентные онимические модели становятся маркерами возрастной и национальной характеристики носителя имени, речевой культуры среды, в которой он живет. Они позволяли приблизиться к образу персонажа, полнее очерчивали его, делали ярким, осязаемым: *Неприменова Доротея Савишна, Циганкин Михаил Яковлевич, Гречкина Аннушка, Близнецов Григорий Максимович*.

В текстах четвертой и пятой редакции (1934-1937гг.) намеченная в предыдущих вариантах тенденция усложнения структуры антропонимов получает дальнейшее развитие. Однако на этом этапе автора привлекает не столько структура именованного, сколько его смысловая нагрузка, задающая определенное направление ассоциациям в сознании реципиента. Образ персонажа формируется на основе семантической значимости всей суммы компонентов онимической формулы: *Ида Геркулановна Косовская, Мстислав Лавровский, Савва Потапович Бурдасов* (> бурдить – шалить, проказить), *Тимофей Перелыгин* (> перелыгать, перевирать), *Степан Богданович Лиходеев*.

В поздних вариантах романа «Мастер и Маргарита» наблюдается снижение числа многокомпонентных назывных моделей, преобладающей номинацией становится фамилия. Активизируется использование различных форм личных имен (*Груня, Дашка, Иванушка, Наташа, Проша*). Значительно увеличивается число нейтральных именованных, однако образная номинация по-прежнему занимает в «московском» мире романа главенствующие позиции. Активность подобных имен объясняется характером повествования, темой и жанровыми характеристиками текста.

Автор долго обдумывал имена будущих персонажей, чутко реагируя при выборе на звуковой и смысловой потенциал антропонима. Эффективность назывного знака определялась его способностью установить контакт между именем и его носителем, степенью соответствия его значения существенным признакам именуемого.

Проблема отбора имен была часто связана с проблемой значимости героя. Чтобы познать его сущность, Булгаков прибегает к разным приемам имяназвания. Он выстраивает онимы в ряды и цепочки, которые отражают разные грани характера персонажа. Поиск максимально точного именованного осуществляется путем сравнения найденного онима с исключенным из текста обозначением: Нутон → Картон → Благовест → *Варенуха*; Суковский → Робинский → Блинецов → Библейский → *Римский*; Тёшкин → Пешкин → Па-

лашов → Попов → Безродный → Покинутый → *Понырёв*. Первоначальный вариант имени может закрепиться, может подвергнуться некоторым модификациям: Бурдасов → Бордасов → *Куролесов*; Лаврович → Лавровский → *Лаврович*; Гаугоголь → Чембукчи → Чапчачи → Чембакчи → Альберт → *Покобатько*; Фон Майзен → Фон-Майзен → Дон Майзен → барон Майзен → фон Майгель → *барон Майгель*. Отказ от одних онимов и обращение к новым говорит об изменении авторского замысла, о создании иной концепции художественного образа.

Исследования антропонимического материала показали, что первоначально роман задумывался как продолжение линии сатирического гротеска. Поэтому антропонимия первых редакций была нацелена на изображение хаоса жизни, абсурдной действительности. Писатель склоняется к выбору соответствующих имен, отражающих различные степени деформации реальности: *Бержеракина, Варлаам Собакин, Трувер Рерюкович, Клавдия Парфёновна Гауголь*. Однако в романе постепенно происходит философская символизация сюжетов и человеческих типов, что перестраивает первоначальный сюжет и требует новых реалий. Со сменой замысла, о чем свидетельствует фигура нового героя (мастера), в произведении появляется автобиографическая тема. В текстах позднего периода, на наш взгляд, соединилось два сюжетно-тематических направления творчества: сатирическое осмысление действительности и автобиографическая тема.

Стиль «**исторического**» повествования вырабатывался автором постепенно, равно как и придающий этим сценам единство внутренний антропонимикон. Поэтонимы первой редакции романа значительно отличались от онимов окончательного текста. В первоначальном варианте произведения автор использует известные в библеистике имена (*Иисус, Иисус Назарет, Jesus Nasarenus, Искаримот, Варрава, Pontium Pilatum, Пилат*), что объясняется особенностью развертывания «исторического» повествования и степенью разработки темы, которая вначале не занимала в романе главенствующей позиции.

При дальнейшем редактировании произведения автор модифицирует известные в мировой литературе и библеистике номинации и вводит их в соответствующий контекст: Иуда Искариот → Юда Искариот → Иуда из Кариот → Иуда из Кериот → Иуда из Кериафа → *Иуда из Кириафа*; Варрава → Иисус Варрава → Вар → Равван → Варраван → *Вар-Равван*; Пилат → Pontium Pilatum → Пилат Понтийский → *Пилат Понтийский Всадник Золотое Копьё*; Иисус → Jesus Nasarenius → Иисус Назарет из Эн-Назира → Иисус Назарет из Эн-Сарида → Иисус Га-Ноцри → *Иешуа Га-Ноцри*. Благодаря знакомому звукокомплексу имя, возникшее в первую очередь под воздействием культурного фактора, проступает в тексте ассоциативно и коннотативно нагруженным, что помогает адекватному восприятию персонажа. Модифицированные номинации становятся показателем индивидуально-авторского понимания персонажа, поскольку представляют собой творческое переосмысление известного образа, исторических фактов и событий, в которых он проявляется в созданном писателем воображаемом мире. Глубинный смысл романа, таким образом, постигается с помощью вербального стимула, который определяет направление читательского поиска.

Анализ истории создания именованного «демонической» темы показал, что большая часть инфернонимов была сформирована на ранних этапах становления текста, однако в течение ряда лет автор экспериментировал со звуковой оболочкой уже созданного поэтонима, призванной наряду с семантикой внутренней формы имени выполнять экспрессивную функцию: Фиелло/Фьелло/Азазелло; Фаланд/Воланд.

В первых вариантах текста герои, обозначенные известными дьявольскими именами, формировались в рамках традиционных представлений о персонажах инфернального мира. С усложнением образа усложняется структура и семантика поэтонима. Писатель стремится модифицировать назывные единицы так, чтобы они, сохраняя связь с известным в мировой литературе персонажем, воспринимались как нечто новое: Азазелло → Велиар → Антес-

сер→ Вельяр Вельярович → Theodor Voland → Фаланд → *Воланд*; Бонифаций → Фиелло → Фьелло → *Азазелло*. Созданные имена, с одной стороны, дают возможность провести аналогии с их литературными и мифологическими прообразами, а с другой - позволяют воспринимать носителей имен, как обновленный тип персонажа. Инфернонимы благодаря подтекстовой известности приобретают иной смысловой ракурс, открывают новые ассоциативные каналы, воздействующие на процесс восприятия текста.

Таким образом, тексты ранних редакций дают представление о путях осмысления, особенностях употребления и производства онимов писателем. Антропонимы основного текста и их варианты, функционирующие в разных редакциях, позволяют установить, как отражалась в назывном знаке творческая деятельность именуемого, становление его номинативного опыта.

В **Заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Онимическая лексика предоставляет богатейшие возможности для исследования способов индивидуально-авторской организации вымышленного имени. Изучение рукописей, первоначальных вариантов текста позволяет дешифровать творческую интенцию художника, понять характер и динамику формирования итогового антропонимикона.

Анализ имен персонажей, функционирующих в разных по времени создания редакциях романа «Мастер и Маргарита», позволяет говорить о сложности отбора онимов. Автор стремится ввести в текст имена, которые, представляя художественное пространство, становятся его неотъемлемым элементом. Как правило, Булгаков отдает предпочтение тем онимам, которые обладают «исторической» памятью, содержат информацию, связанную с культурным пространством своей эпохи.

В романе запечатлены имена, так или иначе отражающие авторскую биографию. Биографический контекст актуализирует в произведении необ-

ходимые ассоциации, что позволяет исключить при интерпретации образа персонажа смысловую неопределенность, увидеть его новые грани.

Результаты анализа фактического материала показывают, что М. А. Булгаков бережно относился к имени, чувствуя его потенциальные возможности и скрытые резервы, которые можно использовать, обыграть, заставить в том или ином контексте отражать актуальную идею. Разнообразные способы интерпретации онимической лексики подтвердили: писатель создал свой тип антропонимической системы не только эстетический и оригинальный, но и духовно-эмоциональный, утверждающий общечеловеческие ценности – добро и любовь, как субстанциально значимые величины бытия.

Основные положения диссертации изложены

в следующих публикациях автора:

1. Литературные антропонимы библейской темы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Экология культуры и образования: филология, философия, история. Сборник статей. Тюмень, 1997. С. 25-32.

2. Роль заглавия в восприятии художественного текста // История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной году Украины в России. Тюмень, 2003. С. 157-161.

3. Имятворчество М. А. Булгакова // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области. Тюмень, 2004. С. 93-100.

4. Имя и время в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Традиции славяно-русской культуры в Сибири. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2004. С. 44-47.

